НА СЕССИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

ВЫСТУПЛЕНИЕ тов. М. М. ЛИТВИНОВА ПО ВОПРОСУ О РАЗРЫВЕ УРУГВАЕМ ОТНОШЕНИЙ С СССР

ЖЕНЕВА, 23 января. (ТАСС). Сегодня утром Совет Лиги наций под председательством австралийского делегата Брюса приступил к обсуждению советского обращения в Лигу по поводу необоснованного разрыва советско-уругвайских дипломатических отношений со стороны Уругвая. Первым слово было предоставлено наркому по иностранным делам тов. М. М. Литвинову, который заявил:

«Позвольте мне с самого начала заверить вас, господин председатель, что правительство Советского Союза не стало бы занимать внимание Совета Лиги наций стоящим сейчас в порядке дня вопросом, если бы разрыв дипломатических отношений между Уругваем и Советским Союзом затрагивал интересы только этих двух стран. Могу даже сказать, что интересы 170-миллионного населения Советского Союза нынешним отсутствием отношений с отдаленным Уругваем ни в какой мере не задеты.

Позволяя себе некоторое отступление, я считаю нужным сказать, что лично я давно считаю существующую систему дипломатических отношений, предполагающую содержание в столицах всех государств постоянных дипломатических миссий весьма устаревшей и не отвечающей больше прогрессу техники связи. Перед моим правительством не раз ставился вопрос о ликвидации его дипломатических миссий в таких странах, где содержание их не оправдывается об'емом и значением дипломатических сношений. Если мое правительство не принимало соответственных решений, то лишь потому, что оно, стремясь в своей политике избегать всякого различия между большими и малыми странами, щадило самолюбие некоторых стран. Тем не менее оно и теперь воздерживается от обмена дипломатическими миссиями в тех случаях, когда указанное мною соображение не играет роли, и действительно назначает своих представителей не во все страны, с которыми восстановлены дипломатические отношения. Как на пример укажу, что хотя дипломатические отношения считаются установленными с республикой Колумбия свыше полугода тому назад, мы не спешили обменяться с нею дипломатическими миссиями пока на этом не настаивает правительство Колумбии.

Если мы тем не менее сочли нужным обратиться в Совет Лиги наций по поводу разрыва отношений со стороны Уругвая, то исключительно в виду общего принципиального интереса, который это дело представляет.

Конечно, каждое суверенное государство вправе устанавливать или не устанавливать дипломатические отношения по собственному усмотрению, соответственно с его собственным понятием о нормальной международной жизни, о требованиях спокойствия и мира между народами. Не будет также никакой беды в том, что два государства по экономическим или другим практическим причинам соглашаются прекратить обмен дипломатическими миссиями и поддерживать между собой дипломатические отношения через другие каналы, скажем, через своих представителей в третьей стране. Такие случаи хорошо известны в международной практике.

Другое дело, однако, когда одно государство внезапно рвет отношения с другим государством односторонне, в духе недружелюбия и вражды, основывая свои действия на претензиях и обвинениях. Такой разрыв отношений всегда считался одним из самых враждебных международных актов, и всякое сознающее свою ответственность государство обязано такой акт удовлетворительно об'яснить мировому общественному мнению. Для подобного разрыва статья 12 Устава Лиги предусматривает некоторую предварительную процедуру. Так как Уругвай и Советский Союз состоят в Лиге наций и связаны уставом Лиги, а разрыву не предшествовала никакая процедура, то перед нами факт вопиющего нарушения устава Лиги и при том одной из основных его статей.

Мое правительство считает, что оно могло бы быть обвинено в пренебрежении к этому уставу, если бы не обратило на это внимания Совета Лиги. Пусть в данном случае нарушение устава не имело серьезных последствий, пусть он нарушен страной, которая вряд-ли претендует считать свои действия образцом для других, все же нет гарантий, что индифферентизм в данном случае не будет поощрением для нарушения устава в случаях с действительно грозными последствиями. Такое поощрение особенно нежелательно в нынешней международной обстановке, о которой позволю себе сказать несколько слов дальше.

ФАКТЫ

Перехожу теперь к фактической стороне дела. Дипломатические отношения между Уругваем и СССР были теоретически восстановлены обменом нот 22 августа 1926 года по инициативе уругвайского правительства. Выяснив, что уругвайское правительство не спешит с обменом дипломатических миссий, советское правительство со своей стороны также легко мирилось с положением, когда дипломатические сношения с Уругваем могли происходить при посредстве дипломатических представителей обоих государств в третьих странах. Когда, однако, летом 1933 года правительство Уругвая по своей инициативе из'явило желание обменяться миссиями, советское правительство дало на это свое согласие, и в марте месяце 1934 года в Москву прибыла уругвайская миссия, а в мае того же года советская миссия прибыла в Монтевидео.

За все время существования этих миссий никаких споров, конфликтов и значительных недоразумений между обеими государствами не возникало. Сношения уругвайской миссии в Москве с Народным Комиссариатом Иностранных дел свелись исключительно к вопросу о подыскании для миссии подходящего помещения. Что же касается советского посланника в Монтевидео, то его сношения с уругвайским правительством ограничились следующими тремя вопросами.

В Уругвае находился в заключении некий Симон Радовицкий, анархист, по обвинению в террористическом покушении. Уругвайское правительство пожелало по соображениям внутренней политики депортировать (выслать) Радовицкого в СССР на том основании, что он родился в России. Советские власти, однако, отказались принять Радовицкого, в виду того, что он не имеет советского гражданства. Неожиданно этот, казалось бы, совершенно ничтожный вопрос вызвал несоответствующую реакцию уругвайского правительства. В дело даже вмешался президент республики, который повторно добивался от советского посланника согласия на депортацию Радовицкого. Отказ советских властей президент Уругвая принял почему-то как личную обиду и не скрывал своего раздражения по этому поводу.

В октябре прошлого года нашему посланнику пришлось протестовать перед уругвайским министерством иностранных дел против того, что одна реакционная уругвайская газета, начав кампанию против местных коммунистов, антифашистов и против санкций, применяемых к Италии, задевала попутно Советский Союз. По этому поводу 26 октября наш посланник господин Минкин телеграфирует мне:

«Министр иностранных дел Уругвая в ответ на мой устный протест указал, что он не может воздействовать на печать, но заверил, что правительство не разделяет взглядов, изложенных в статье. В дальнейшей беседе министр отмечал, что у президента осталось нехорошее чувство из-за Радовицкого, что он рассматривает отказ от допущения последнего в СССР, как отсутствие добрых к нему чувств. Вопрос о Радовицком вырастает у них в политическую проблему».

Наконец, 10 декабря наш посланник телеграфирует:

«Министр иностранных дел передал, что президент очень заинтересован, чтобы мы купили пару сот тонн уругвайского сыра, что смягчит обиду, нанесенную ему отказом принять Радовицкого. Считал бы целесообразным в целях улучшения отношений с президентом Терра купить небольшую партию».

Несмотря, однако, на это ходатайство нашего посланника, советское правительство не нашло возможным покупать уругвайский сыр. В связи с этим господин Минкин телеграфировал нам 19 декабря:

«Мне сказал секретарь президента, что наш отказ в удовлетворении просьбы толкуется как новый акт невнимательности к президенту и может ослабить его аргументы в пользу сохранения отношений между Уругваем и СССР».

Я рассказываю вам, господа, все это, чтобы вы знали, что кроме этих двух претензий—отказа в принятии Радовицкого и в покупке сыра—уругвайское правительство никогда никаких других претензий ни в Монтевидео, ни в Москве не заявляло. Ни разу не было получено от уругвайского правительства никаких указаний на какие-либо некорректные действия советской миссии в Монтевидео или на какие-либо случаи ее вмешательства в местные дела или в дела других южно-американских республик. Больше того, как только что вам было прочитано, 26 октября министр иностранных дел заявлял нашему посланнику, что уругвайское правительство не разделяет подобных обвинений против Советского Союза, выдвигавшихся некоторыми органами уругвайской печати.

Тем более неожиданным было получение советским посланником ноты, в которой он извещается, что уругвайское правительство постановило порвать дипломатические отношения с Советским Союзом. Правда, в ноте говорится не о разрыве, а о перерыве отношений, и уругвайский министр иностранных дел в каком-то интервью подчеркивал, что речь идет о временном перерыве отношений, но эта тонкость не должна вводить нас в заблуждение, ибо и после разрыва возможно восстановление отношений. Стало быть и разрыв носит временный характер.

Трудно сказать об'ясняется ли отсутствием мужества или другими причинами введение уругвайским правительством нового, неизвестного до сих пор в международной практике понятия о перерыве отношений, когда на-лицо имеется по всем признакам разрыв отношений, о котором статья 12-ая Устава Лиги Наций говорит совершенно определенно:

«Все члены Лиги соглашаются, что если между ними возникает спор, могущий повлечь за собой разрыв отношений, то они подвергнут его либо третейскому разбирательству, либо решению Совета».

Уругвай же позволил себе разорвать отношения с Советским Союзом, не подвергнув спора ни третейскому разбирательству, ни рассмотрению Совета, и, таким образом, нарушил Устав Лиги, что должно считаться установленным, независимо от характера спора, ибо цитируемая мною статья Устава никаких из'ятий не допускает. Если статья 12 упоминает также о войне, то из этого не следует, что разрывы, не ведущие к войне, из'яты из действия этой статьи. Именно потому, что разрывы иногда ведут к войне, статья 12 пытается исключить из международной практики внезапные разрывы, предписывая предварительную процедуру, которая может предотвратить самый разрыв.

Вина уругвайского правительства усугубляется еще тем обстоятельством, что указанная в уругвайской ноте причина разрыва не была предметом каких-либо предварительных переговоров, переписки или об'яснений с советским правительством.

Если у уругвайского правительства, как мною вам было сообщено, и были претензии, по поводу которых велись дипломатические переговоры, а именно в отношении г-на Радовицкого и покупки сыра,—если последнее вообще может считаться претензией,—то о них в ноте уругвайского правительства ничего даже не говорится.

Впрочем, напрасно стали бы мы искать каких-либо обоснованных причин разрыва даже в самой ноте. Нота эта весьма многословна и касается спорных тем, которые, однако, никакого отношения к поставленному перед Советом Лиги вопросу не имеют. Я готов в соответственном месте и в соответственный момент обсуждать любые темы, имеющие даже тот или иной академический интерес, но я в данный момент хочу держаться точно рамок поставленного перед Советом вопроса, а именно—о нарушении Уругваем Устава Лиги, не пускаясь в бесплодную дискуссию проблем, которые Советом Лиги разрешены быть не могут.

Два факта можно считать бесспорно установленными: первый—Уругвай разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом; второй—свои претензии, вызвавшие разрыв, Уругвай не передал ни в арбитраж, ни на рассмотрение Совета Лиги, как того требует статья 12 Устава. Если бы даже уругвайскому правительству удалось обосновать свои претензии, то это отнюдь не могло бы уничтожить факта нарушения Устава и оправдать его действия.

Я считаю, однако, нужным заявить, что претензии к советскому правительству и советской миссии в Монтевидео, о которых говорится в уругвайской ноте, являются совершенно необоснованными.

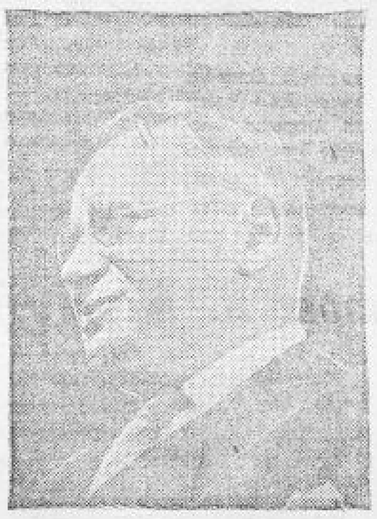
УРУГВАЙСКИЕ ОБВИНЕНИЯ БЕСПОЧВЕННЫ

В уругвайской ноте впрочем не имеется ни одного четкого обвинения, ни одного конкретного факта, который вменялся бы в вину советскому правительству или советской миссии. В ноте, собственно говоря, уругвайское правительство ничего даже не утверждает, а высказывает лишь предположения и то в большинстве случаев даже не собственные. В ноте, например, говорится, что «решительно утверждается» (кем и когда утверждается—в ноте не указано) будто «советское правительство поощряло и оказывало помощь коммунистическим элементам в Бразилии через посредство советской миссии при нашем правительстве».

Я заявляю, что это утверждение, откуда бы оно не исходило, совершенно ложно. Ни советское правительство, ни советская миссия в Монтевидео, ни какие-либо другие агенты советского правительства не подстрекали и не оказывали никакой помощи коммунистическим элементам ни в Уругвае, ни в каком бы то ни было соседнем с ним государстве, или вообще в каком бы то ни было государстве. Советское правительство твердо и лойяльно проводит свою политику невмешательства во внутренние дела других государств. Я требую от уругвайского правительства, чтобы оно представило доказательства противного, если они у него имеются. Я утверждаю заранее, что этих доказательств у него нет и быть не может.

Мы не впервые слышим подобные обвинения по адресу советского правительства, но еще никогда, я повторяю, никогда, ни в одном случае, не было представлено никаких доказательств в обоснование подобных обвинений, если не считать подделыных документов, фабрикуемых русскими контрреволюционными эмигрантами и близкими к ним элементами. И не сомневаюсь, что уругвайскому или фашистскому бразильскому правительству, если оно захочет, не трудно будет раздобыть такие документы, даже в самой Женеве. Спрос на них на европейском рынке теперь значительно упал и их, вероятно, можно получить по демпинговым ценам. Я должен, однако, предупредить, что потребую самой тщательной экспертизы подобных документов.

Ссылку на советскую миссию в ноте мы находим в том месте, где говорится, что «согласно информации, переданной посольством дружественной страны, и той, которую получило наше правительство, советская миссия в Монтевидео перевела чеками на предъявителя крупные суммы, назначение которых не может быть определено».



Итак, вина советской миссии в том, что она кому-то когда-то переводила какие-то суммы, а так как назначение их не может быть определено и адресат не может быть установлен, то остается предположить, что деньги пошли на финансирование восстания в Бразилии.

Я полагаю, что не нужно быть юристом, чтобы видеть совершенную изворотность и необоснованность подобного обвинения. Если чеки переводились в Монтевидео, то разве так трудно установить в уругвайских банках точные номера, суммы и даты этих чеков? Уругвайское правительство не потрудилось даже получить и проверить эти сведения, ибо проверка показала бы совершенную необоснованность этого утверждения и убедила бы уругвайское правительство в том, что советская миссия в Монтевидео за два года своего существования получила всего на свои собственные нужды не больше 55 тысяч американских долларов, из которых она никаких денег никуда вне Уругвая не переводила. Во всяком случае мы настаиваем на представлении уругвайским правительством Совету Лиги доказательств в обоснование единственного приведенного в ноте конкретного факта.

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКИХ СПРАВОК

Но если нет в уругвайской ноте конкретных обвинений, то там имеются длинные рассуждения на ту тему, что в Бразилии недавно имело место восстание, а, так как в Уругвае находилась советская миссия, то между этими двумя явлениями должна существовать связь. Если бы речь шла о какой-либо другой стране, в которой всегда царило полное спокойствие, полная гармония между различными частями ее населения и это спокойствие и гармония были бы внезапно нарушены, спустя два года после появления в соседней стране советской миссии, то и тогда не было бы никаких оснований считать советскую миссию причиной возникших беспорядков. Мы не должны, однако, забывать, что речь идет о Бразилии, история которой есть не что иное, как история длинной беспрерывной цепи внутренних беспорядков, восстаний, революций, заговоров, переворотов и насильственного смещения одних правителей другими. Нет надобности углубляться в эту историю со времени установления независимости Бразилии. Достаточно нам взять хотя бы последние 50 лет.

В 1889 году имел место в Рио-де-Жанейро военный переворот, во главе которого стояли генералы Фонсека и Пейхото. В 1891 году—восстание против президента Фонсека, при чем восстал гарнизон в Рио-Гранде-до-Суль, восстал и флот. В 1893 году—опять восстание флота во главе с адмиралами Мелло и да Гама. Начавшаяся в 1891 году гражданская война продолжалась беспрерывно до 1894 года. В 1897 году раскрыт заговор при участии офицеров и депутатов и даже вице-президента республики. В том же году восстание «джагунсос», в том же году покушение против президента Мараеша. В 1904 году опять восстание в Рио-де-Жанейро. В 1910 году—восстание в Манаос, бунт во флоте, восстание моряков на корабле «Минас Жераес», в 1912 году—восстание под руководством священника отца Цицерона в штате Сеара. В 1922 году—восстание в Пернамбуко и Рио-де-Жанейро. В 1923 году—восстание в Сан-Пауло под руководством генерала Диаса. В 1924 году — снова восстание в Сан-Пауло под руководством полковника Лопеса. В том же году восстание в штате Рио-Гранде-до-Суль и поход так называемой колонны Престеса. В 1930 году—восстание в южных штатах. В 1931 году — восстание солдат и рабочих в Пернамбуко, в 1932 году—восстание двух полков, в 1933 году—восстание в Рио-Гранде-до-Суль.

Как видите, эти восстания имели место задолго до появления советской миссии в Монтевидео, а большинство из них даже задолго до возникновения советской власти в России. Следует еще особо упомянуть, что нынешний президент Бразилии г-н Варгас также пришел к власти в результате восстания в 1930 году. Я полагаю, что он не станет вину и за это восстание возлагать на советское правительство. Любопытно отметить, что во время некоторых из перечисленных мной восстаний тоже, как и теперь, говорилось, что повстанцы получают поддержку и даже подготовлялись в Уругвае, где, однако, никаких советских представителей тогда не было.

В конце уругвайской ноты говорится, что «обеспечение внутреннего спокойствия в Уругвае также требовало прекращения деятельности советской миссии». Но история Уругвая также мало являет нам картину внутреннего спокойствия, как и история Бразилии. Беря опять последние лишь 60 лет, мы имеем в 1876 году полковника Латарре, поднимающего восстание и низлагающего Варелу и делающего самого себя «невыборным президентом» и в 1880 году слагающего власть, заявивши, что Уругваем управлять невозможно. В 1886 году восстание генерала Кастро и Арредондо. Видаль отрекается. Santos — президент. Арредондо отступает в Бразилию. Новое восстание — Santos бежит в Аргентину; президент — победивший генерал Тахес. В 1891 году восстание «бланкос» в Монтевидео, в 1897 году восстание «бланкос» в Монтевидео; президент Борда убит. В 1898 году восстание артиллерийских частей; Куестас делается диктатором. Новое восстание двух полков в пользу экс-президента Геррера. В 1903 году восстание «бланкос» против избранного президента Батль-и-Ордоньес в 6 департаментах. В 1904 году новое восстание генерала Саравйа («бланкос») против «колорадос» (президента Батль-и-Ордоньес), в 1906 году восстание «бланкос» во время президентских выборов, с целью недопустить избрания «демократа» Батль-и-Ордоньеса. В 1926 году — незначительный бунт гарнизона Сан-Педрито. В 1933 году государственный переворот и диктатура г-на Терра. В 1935 году — восстание против диктатуры Терра. Генерал Муньос с тысячным отрядом вступил на территорию Уругвая из Бразилии.

Я надеюсь, что уругвайское правительство не обвиняет советскую миссию во всех этих восстаниях и в частности в государственном перевороте 1933 года, поставившем у власти его нынешнего президента г-на Терра. Как вы видите, господа, восстания в Бразилии и Уругвае должны считаться совершенно обычным явлением и, очевидно, не могут не вызываться глубокими внутренними причинами. А если это так, то какие же основания искать причин последнего бразильского восстания в советской миссии в Монтевидео? Процитированная мною история бразильцев и уругвайцев позволяет думать, что им не требуются указания и руководство извне для производства восстаний, и разве не ясно, что они сами в совершенстве этим искусством овладели?

Я извиняюсь, что несколько отвлекся в сторону, чтобы хотя вкратце ответить на инсинуации по адресу моего правительства, заключающиеся в уругвайской ноте, и показать их полную изворотность. Я должен, однако, еще раз напомнить Совету, что перед ним стоит вопрос лишь о разрыве отношений между Уругваем и СССР и что если бы даже для этого были какие-либо причины, то разрыв являлся бы нарушением пакта, поскольку разрыву не предшествовала указанная в Уставе Лиги наций процедура.

ОПАСНОСТЬ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Повторяю, вопрос этот имеет огромный общий интерес. Недоразумения, взаимные претензии, споры и конфликты между государствами—обычное явление в международной жизни. Я прошу вас подумать, на что стала бы похожа эта международная жизнь, если бы непрекращающиеся претензии не обсуждались между государствами, а вели бы непосредственно к разрыву отношений?

Такая практика была бы чревата величайшими опасностями именно в настоящее время. На самом деле, вспомните обсуждавшуюся в прошлом году в Совете претензию Югославии к Венгрии по весьма серьезному поводу. Разве мир в Европе не был бы поставлен под угрозу, если бы Югославия вместо того, чтобы потребовать сперва об'яснений от Венгрии, а затем обратиться в Совет Лиги, поспешно порвала отношения с Венгрией?

Или возьмем другой пример. Еще недавно в Эстонии был раскрыт готовившийся путч, в организации которого подозреваются даже два государства. Что же, разве Эстония не поставила бы нас лицом к лицу с величайшей опасностью, если бы она, действуя по уругвайскому методу, порвала отношения с этими заподозренными государствами? Совершенно очевидно, что метод уругвайской дипломатии ничего, кроме дезорганизации, ничего, кроме величайших опасностей в международную жизнь внести не мог бы. Не может служить смягчающим вину обстоятельством тот факт, что тот же Уругвай недавно прибег к разрыву отношений с ближайшей соседкой—Аргентиной, с тем, чтобы вскоре вновь их восстановить, стало быть тоже без серьезных причин, и что перед нами, таким образом, случай рецидива.

Прежде, чем кончить, я хотел бы остановиться еще на другой стороне вопроса. Позволяя себе инсинуации по адресу советского правительства, уругвайское правительство несомненно спекулировало на известных предрассудках, существующих в реакционных кругах многих стран против Советского Союза. Такая спекуляция свойственна, к сожалению, не одному Уругваю. Все страны, известные своей агрессивной политикой, пытаются подобной спекуляцией маскировать свою агрессию. Под прикрытием этой спекуляции имеет место нарушение независимости Китая и завоевание одной его провинции за другой. Этой же спекуляцией пытается маскировать свои грандиозные вооружения для завоевательских планов во многих направлениях другое государство в самой Европе.

К этой спекуляции начинает прибегать в своей прессе и другая европейская страна потому лишь, что совершенная ею агрессия не получила одобрения советского правительства. Мы должны признать поэтому, что подобного рода спекуляция, являясь орудием агрессии, представляет собою величайшую опасность всеобщему миру. Уже по одному этому нельзя отнестись безразлично к дипломатическим методам Уругвая.

Лига наций имеет своей задачей упорядочить международную жизнь, ввести неизбежные между государствами трения и споры в определенные рамки в духе примирения и международных приличий, и тем самым предотвратить опасность превращения этих споров в вооруженные конфликты. Совет Лиги не может пройти мимо дипломатических методов членов Лиги, противоречащих этой задаче. Я поэтому уверен, что Совет Лиги уделит обсуждаемому вопросу должное внимание и вынесет решение в духе Лиги наций, в духе примирения и смягчения международных противоречий, отбросив предрассудки, отбросив инсинуации, основываясь исключительно на об'ективных фактах, и этим окажет огромную услугу делу международного спокойствия, делу стабилизации международных отношений, делу согласия между народами, от которого, как говорит статья 11-ая Устава Лиги, зависит дело мира».

Обсуждение разрыва Уругваем отношений с СССР в Женеве

ЖЕНЕВА, 23. После речи тов. Литвинова Совет Лиги наций на утреннем заседании заслушал об'яснения уругвайского представителя Гуани. Отличительной особенностью его речи было то, что он просто не рискнул повторить даже смехотворные обвинения, содержащиеся в уругвайской ноте о разрыве дипломатических отношений с СССР. В речи Гуани не было даже и помина о пресловутых «чеках Минкина». Мало того, чувствуя, что факты отказываются служить «уругвайским дипломатическим методам», Гуани сделал следующее заявление: «Если, — сказал он, — существо дела и не является бесспорно ясным, то в отношении процедуры оно подходит под действие параграфа 8-го статьи 15-й устава Лиги, иначе говоря, входит в число вопросов, которые, согласно международному праву, относятся исключительно к внутренней компетенции одной стороны». Другими словами, юридический тезис Гуани заключается в том, что данное дело является исключительно домашним делом Уругвая и неподсудно Лиге наций.

В начале послеобеденного заседания первое слово взял для реплики тов. Литвинов, который заявил: «Я не хотел бы затягивать обсуждение этого дела и желал бы быть возможно кратким. К сожалению, представитель Уругвая внес в свое заявление элементы, никакого отношения к делу не имеющие. Мне, например, трудно понять, зачем ему понадобилось противопоставлять Уругвай Советскому Союзу, как старого члена Лиги молодому.

Переходя к существу вопроса, я могу с удовлетворением констатировать, что представитель Уругвая не опроверг ни одного из приведенных мною фактов и не привел никаких доказательств в пользу обвинений, выдвинутых в уругвайской ноте против советской миссии в Монтевидео.

Далее представитель Уругвая долго останавливался на характере последнего в длинной цепи восстания в Бразилии.

Наконец, последний довод уругвайского представителя состоит в том, что Уругвай действовал в интересах самозащиты, ибо его внутреннему спокойствию угрожала опасность. Что внутреннему спокойствию Уругвая перманентно угрожает опасность, мы знаем из его истории, о которой я вам сегодня дал некоторое представление. Короче об истории Уругвая выражается энциклопедия Британника (издание 14-е, стр. 906) следующими словами: «После декларации его независимости история Уругвая сделалась летописью интриг, финансового разорения, политического безумия и преступлений». Нельзя, следовательно, отрицать перманентный характер угрозы спокойствию Уругвая».

После реплики тов. Литвинова, которая произвела сильное впечатление на слушателей, слово взял для реплики Гуани. Все более теряя почву под ногами, Гуани пустился на следующую увертку: «Фактические доказательства,—заявил он,—обосновывающие акцию уругвайского правительства, дескать, существуют, но опубликование их невозможно, ибо оно связано с раскрытием дипломатических, банковских и полицейских секретов. Это-де, является чисто домашним делом».